

ШИПОВА Н. Д. — в МПКК

ШИПОВА Надежда Дмитриевна, родилась в 1880 (отец, Шипов Дмитрий Николаевич, земский деятель; мать Эйлер Надежда Александровна). Окончила гимназию, проживала в Москве, работала учительницей в гимназии, с 1914 — в Пресненском попечительстве, заведовала также швейной мастерской. 30 сентября 1919 — арестована в засаде как «участница Всероссийского монархического союза» и заключена в Бутырскую тюрьму. Отец, Дмитрий Николаевич Шипов обращался к Каменеву и Рязанову, ходатайствуя об освобождении дочери.

В начале марта 1920 — по просьбе заведующего юридическим отделом Московского Политического Красного Креста заполнила "Карту арестованного", в графе "Сущность дела" отметив следующее.

<2 марта 1920>

«Сущность дела:

30 сентября я зашла к Анне Владимировне Белявской, чтобы переговорить с ней по делу бывшего Пресненского попечительства. В квартире оказалась засада, я была арестована и доставлена в ВЧК. Там следователь Шмидт просил меня объяснить причину моего захода к Белявской, что я и сделала. Объяснила, что с А. В. Белявской я познакомилась, работая в Пресненском попечительстве, где я организовывала и заведовала мастерской и раздаточной по шитью белья для раненых и обмундирования армии. Последнее время моей работы в попечительстве мастерская помещалась в доме для увечных воинов и их семей имени Коньшинных в Ново-Песковском пер<еулке>. А. В. Белявская была попечительницей всего дома, и мне приходилось иметь с ней дело при оборудовании помещения для мастерской и раздаточной, а при переходе раздаточной из ведения попечительства в ведение Союза Общественных организаций передавать ей на нужды семей увечных воинов деньги, оставшиеся в раздаточной благодаря тому, что попечительство за все время существования раздаточной (сначала в Бол<ьшом> Трехгорном пер<еулке>, а потом в Ново-Песковском пер<еулке>) не получало денег за помещение, занимаемое раздаточной (могу представить расписки в получении А. В. Белявской от меня денег, если они не были взяты при обыске у меня после моего ареста). На вопрос следователя, знаю ли я мужа и сына Белявской, я ответила, что мужа не знаю совсем, а сына встречала мельком 2 или 3 раза, бывая у матери. После этого следователь сказал, что у меня будет произведен обыск, и мое освобождение будет в зависимости от его результата. На вопрос о моем отношении к Советской власти я отвечала, что признаю ее как существующую власть и подчиняюсь ей. После обыска я была вторично вызвана следователем, который мне сказал, что в столе у меня найдено письмо на имя А. И. Соколовской, которое характеризует иное отношение к Советской власти, чем я говорила. Я отвечала, что письмо это принадлежит не мне, а я получила его для отправки с оказией, содержания его не знаю. На вопрос, кто автор письма, я сказала, что затрудняюсь ответить на этот вопрос, т<ак> к<ак> письмо это я получила вместе с несколькими другими письмами еще в марте или апреле месяце в школе, где я занималась. Письмо это мне отправить не удалось, и оно осталось лежать в моем столе. Кроме письма у меня было найдено воззвание генерала Алексеева и манифест-памфлет <на> Ленина.

Следователь настаивал, что я получила эти бумаги от сына А. В. Белявской. Согласиться с этим не могла, т<ак> к<ак> получила их не от

него, а от кого именно, не помню, что и сказала следователю. Узнав, что я живу с родителями и братьями, следователь немедленно написал ордер на арест братьев, убеждая, что, если я подтвержу свои сношения с сыном Белявской и получение этих листов от него, то “он не будет тревожить братьев”. Я усомнилась в пользе этой лжи и, несмотря на желание избавиться от ареста братьев, не могла удовлетворить следователя. Дальше мне было названо несколько незнакомых мне фамилий, которые я никогда не слышала раньше, что я и сказала следователю. 4 октября я была отправлена в Бутырскую тюрьму, где оставалась без допроса до 27 января. При посещении камеры комиссией следователей в ноябре месяце следователь Скрипник мне сказал, что я подозреваюсь в участии во Всероссийском монархическом союзе, так называемом “Политический блок”. На чем основано это подозрение, я положительно не понимаю, так как никогда никакого участия ни в какой политической организации не принимала, и считаю мое содержание под арестом основанным на каком-нибудь недоразумении. На мой вопрос, что послужило основанием к такому подозрению, неужели то, что мне было предъявлено после обыска, Скрипник отвечал: “Конечно нет, об этом не стоит говорить, у вас ничего не найдено, у вас было постановление в организации; никаких документов дома не хранить”. Я сказала, что здесь несомненно какое-то недоразумение и просила меня еще раз допросить, чтобы его выяснить. Скрипник отвечал: “Нам это не нужно. Вы нам ничего не хотите говорить, а мы без вас все узнали”.

При вторичном посещении нашей камеры Скрипником в начале декабря, когда в числе других заключенных была отпущена А. В. Белявская, а моя фамилия в списке подлежащих освобождению не стояла, я спросила Скрипника, почему освобождается Белявская, а я, арестованная у нее засадой, остаюсь в заключении? Скрипник отвечал: “А зачем у сына Белявской написано в книжке, что вы с ним сидели на заседаниях?” Я ни разу ни на одном заседании с сыном Белявской и вообще ни на каком заседании политической организации не присутствовала, что категорически Скрипнику заявила. На мой вопрос, как долго продолжится мое заключение, последовал ответ: “А вот вы повлияйте на Белявскую, убедить своего сына сказать, что в его книжке записано”. К сожалению, я сразу не нашлась ответить следователю, что второй ответ заставляет сильно сомневаться в сведениях первого. Допросить меня опять-таки не пожелали. На последнем допросе 27 января мне по-прежнему конкретного обвинения предъявлено не было, и характер допроса, по моему впечатлению, был таков, что я рассчитывала на освобождение в ближайшие дни. Так как такового до 31 января не последовало, то в этот день я подала заявление в Президиум ВЧК¹.

12 февраля 1920 — Надежда Дмитриевна Шипова была приговорена к заключению в концлагерь до конца гражданской войны и отправлена в Покровский лагерь², о чем на второй странице “Карточки арестованного” есть помета секретаря юридического отдела Московского Политического Красного Креста: «Дело окончено присуждением в концентрационный лагерь».

31 марта 1920 — Надежда Дмитриевна Шипова была освобождена, о чем есть помета секретаря юридического отдела Московского Политического Красного Креста на первой странице “Карточки арестованного” — «Освобождена. 31/III».

¹ ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 271. С. 18-19. Автограф.

² Т. А. Аксакова (Сиверс). Семейная хроника. Кн. 1. — М., “Территория”, 2005. С. 241.

